

ГЕНДЕРНО ОБУСЛОВЛЕННОЕ НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ: КРИТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

GENDER-BASED VIOLENCE IN THE FAMILY: A CRITICAL SOCIOLOGICAL VIEW

Статтю присвячено актуальній сьогодні проблемі гендерно обумовленого насильства в інституті сім'ї. Специфікою цього виду насильства є те, що заповдіяння шкоди партнеру відбувається залежно від гендерної належності індивідів. Існує певна тенденція односторонності щодо наукового опрацювання цієї проблеми. Вона не є абсолютною, але асиметрія є помітною і значною. Більшість досліджень присвячені вивченню домашнього насильства, жертвами якого є жінки. Причиною цьому є те, що саме жінки частіше страждають від помітного насильства. У статті порушується питання про формування й відтворення гендерно обумовленого насильства на різних рівнях соціальної взаємодії. Прояви гендерно обумовленого насильства в інституті сім'ї розглядаються на об'єктивному й суб'єктивному рівнях. Об'єктивний зміст сімейного насильства зводиться до культурного відтворення, об'єктивної та символічної ідентифікації. Індивід, який сприймає усталені норми патріархального світу, відтворює їх, чим підтримує дійсний порядок. Можна сказати, що усталені сімейно-інституціональні норми й цінності, функціональні ролі формують об'єктивну ситуацію, яка визначає чоловічу гегемонію та відповідний асиметричний характер культури. При цьому наявна об'єктивна реальність і дискурс підтримують ці усталені інституційні норми, тобто наявний подвійний взаємозв'язок. Суб'єктивний зміст домашнього насильства, у свою чергу, набуває форм фізичного, економічного, психологічного та сексуального насильства. Найрозповсюдженішою із цих форм є психологічне насильство. Стаття зачіпає й законодавчий бік проблеми та визначає актуальні напрями подальших досліджень. Емпіричні дані щодо відтворення сімейного насильства на суб'єктивному рівні загалом підтверджують описані в статті об'єктивні процеси формування досліджуваного явища.

Ключові слова: насильство, гендерно обумовлене насильство, насильство в сім'ї,

об'єктивний зміст, суб'єктивний зміст, відтворення, ідентифікація, об'єктивізація.

The article is devoted to the problem of gender-based violence in the family. The specificity of this type of violence is that harm to the partner occurs when the gender of individuals. According to the scientific study of this problem, there is a certain tendency of one-sidedness in certain of this issue. It is not absolute, but the asymmetry is significant. The fact is that most studies are devoted to the study of violence in the family whose victims are women. The reason for this is that it is women who are more likely to suffer from this phenomenon. The paper raises the question of the formation and reproduction of gender-based violence at different levels of social interaction. Manifestations of gender-based violence in the family institution are considered at the objective and subjective levels. The objective content of domestic violence goes back to cultural reproduction, objectification, and symbolic identification. The individual perceiving the established norms of the patriarchal world reproduces them, thereby supporting the real order. We can say that established family and institutional norms and values, functional roles form an objective situation, determine asymmetric male hegemony and the corresponding character of culture. At the same time, objective reality is compiled that supports these established norms of the institution, that is, the existing double relationship. The subjective content takes on forms of physical, economic, psychological and sexual violence, most of which are psychological violence. The article concerns the legislative side of the problem. The empirical data on the reconstruction of family violence at the subjective level as a whole confirm the objective processes of the formation of the phenomenon under study described in the article.

Key words: violence, gender-based violence, violence in the family, objective content, subjective content, reproduction, identification, objectification.

УДК 316.356.2:305
DOI <https://doi.org/10.32843/2663-5208.2020.13-1.6>

Селевёрстова Ю.А.

студентка II курса
социологического факультета
Харьковский национальный
университет имени В.Н. Каразина

Бойко Д.Н.

к.социол.н.,
старший преподаватель
кафедры политической социологии
Харьковский национальный
университет имени В.Н. Каразина

Литовченко А.Д.

к.социол.н., доцент,
доцент кафедры политической
социологии,
Харьковский национальный
университет имени В.Н. Каразина

*Когда я вижу сломанные крылья –
Нет жалости во мне, и неспроста:
Я не люблю насилие и бессилье,
Вот только жаль распятого Христа.*

В.С. Высоцкий

Постановка проблемы. Среди глобальных проблем человечества особо ярко в последнее время выделяется проблема домашнего насилия. О ней говорят все и везде; информационные ресурсы переполнены этой темой (особенно она актуализировалась в условиях самоизоляции¹). Ярчайшим примером обостренного внимания к этой теме является скандал, связанный с отдельными «неосторожными» высказываниями некоторых публичных лиц постсоветской медиа- и блогосферы² весной 2020 года, вызвавших эскалацию дискурсивных антагонизмов «современных» и «традиционных» позиций по отношению к домашнему насилию. Этот скандал, в свою очередь, шел в фарватере социального онлайн-движения MeToo³, получившего свою популярность несколькими годами ранее и сопровождаемого рядом публичных «децимаций».

К сожалению, подобная чрезмерная популярность (не актуальность, а именно популярность) не оказывает позитивного влияния на процесс решения или хотя бы исследования данной проблемы. Все искрометные комментарии сводятся к стереотипным присказкам (от «бьет – значит, любит» до «спасения из семейного концлагеря»), которые утратили свою практическую значимость n-ное количество лет назад. И именно эти «шаблонно-экспертные» изречения формируют так называемое общественное мнение в отношении домашнего насилия. Публичная информация по этому вопросу преподносится как данность, без критического осмысления, а первичным вопросом становится «что?» и «сколько?», а не «как?» и «почему?».

Анализ последних исследований и публикаций. На последние два вопроса пытаются ответить и делают это ученые-исследователи, но «в массы» их идеи доходят нечасто. Хотя проблема домашнего насилия была актуальна всегда, в исследовательское поле как отдельный предмет она вошла относительно

недавно. Среди отечественных исследователей, которые занимались гендерной проблематикой и проблемой насилия в семье, для статьи важны работы О. Бойко, С. Павлиш, Т. Марценюк. Стоит отдельно упомянуть Фонд ООН в области народонаселения, подразделениями которого (в т. ч. украинским) проведено большое количество исследований в области домашнего насилия, гендерного насилия, гендерного равенства и т.д.

Отметим, что ангажированный подтекст гендерно обусловленных исследований настолько очевиден, что его даже не пытаются скрыть за «свободой от оценки». Если бы это приводило к реальным сдвигам в объяснении и/или решении этой проблемы, то вопрос методологического пуризма в таком виде и не стоял бы. Однако по факту нередко научные работы по этой проблематике смещают фокус внимания в идеологическое поле. Этому в значительной мере способствует и особенность социологического дискурса, который в силу характерной для социогуманитарного знания высокой метафоризации профессионального языка, категориального аппарата легко превращается в политико-идеологический инструмент (подробнее об этой особенности смотри [1]).

Хоть и не абсолютное, но все же большинство работ, посвященных семейному насилию, акцентирует внимание на насилии, направленном конкретно на женщин, так как именно они чаще всего являются его жертвами. Во многом это обусловлено и методологической спецификой этой научной области: проблемно-ориентированный, статистический и фактологический дизайн исследований ведет к тому, что они всячески определяют и описывают домашнее насилие в формате ad hoc, даже не пытаясь выйти на системные обобщения. Этому также способствует и пресловутая полипарадигмальность социальных наук⁴, которая предложила исследованиям гендерного насилия целый ряд полноценных методологий: теория социального научения, виктимологический подход, конфликтная теория, теория культурного воспроизводства, интерактивная теория, структурная теория и др. Кроме разных парадигм и методологий, еще нужно считаться и с мультидисциплинарной спецификой: гендерное насилие является объектом как общих дисциплин (криминологии, социологии, социальной психологии и пр.), так и институционализировавшейся в западной науке специальной отрасли – gender studies.

Постановка задания. В рамках статьи мы предлагаем посмотреть на проблему гендерно обусловленного насилия с позиций

¹ См., напр.: Коронавирус и карантин: в самоизоляции процветает домашнее насилие. URL: www.dw.com/ru/коронавирус-и-карантин-в-самоизоляции-процветает-домашнее-насилие/a-53222169; Заперты вместе. Как живут жертвы домашнего насилия в условиях карантина. URL: www.bbc.com/russian/features-52184701; «Сама виновата». Как карантин провоцирует на домашнее насилие. URL: focus.ua/ukraine/454742-sama_vinovata_kak_karantin_provotsiruet_na_domashnee_nasilie.

² См., напр.: У Регины Тодоренко отобрали звание «Женщина года» журнала Glamour за слова о домашнем насилии. URL: <http://www.bbc.com/russian/news-52428568>.

³ См., напр.: #MeToo: Social media flooded with personal stories of assault. URL: <https://edition.cnn.com/2017/10/15/entertainment/me-too-twitter-alyssa-milano/index.html>.

⁴ Хотя мы обязаны признать, что полипарадигмальность также способствует и некоторому гносеологическому разнообразию, что может идти на пользу описанию и объяснению проблемы домашнего насилия.

комплексной методологии, построенной на объединении инструментария постмарксизма в версии Э. Лакло и Ш. Муфф, постструктурализма в версии Л. Альтюссера и П. Бурдьё и нормативно-ролевой схемы марксовско-дюркгеймианской версии анализа социальных институтов. Такой методологический ракурс позволит системно соотнести гендерно обусловленное насилие как с другими гендерно обусловленными явлениями, так и с насилием в принципе, то есть рассмотреть его как производную социальных структур и закономерностей. При этом отдельного внимания заслуживает связанная с этим внутренняя структура и неоднородность самого явления. Соответственно, цель работы – охарактеризовать уровни и соответствующие им формы гендерно обусловленного насилия в институте семьи.

Изложение основного материала исследования. Для начала предлагаем разобраться с понятием насилия в его социологической интерпретации. Исходя из критического подхода к анализу насилия, Славой Жижек разделил последнее на три уровня: субъективный, объективный и символический [2]. Сосредоточимся на первых двух, поскольку третий уровень (символическое насилие) уже получил достаточно внимания в других наших работах [3; 4]. Под субъективным насилием понимается насилие, совершенное конкретным субъектом (субъектами), «видимое» для стороннего наблюдателя и имеющее действительные материальные последствия. Объективное насилие представляет собой насилие, продуцируемое самой социальной системой – вписывание человека в конкретные рамки правил, традиций и запретов. Оно остается «невидимым», поскольку не воспринимается как насилие. Объективное насилие ощущается как «нормальное», должное положение вещей. При рассмотрении субъективного насилия можно говорить о конкретных квантифицированных насильственных актах, тогда как объективное насилие представляет собой глубинный процесс, оформляющийся в социальную структуру. Субъективный и объективный уровни насилия находятся в диалектической взаимосвязи, а значит, существование одного предопределяет существование другого: объективное насилие может воплощаться в актах субъективного насилия, а субъективное, в свою очередь, воспроизводит порядок объективного насилия. С другой стороны, субъективное насилие является видимым потому, что оно выделяется из «нормального» объективного, то есть нарушает устоявшийся порядок, но само объективное насилие скрывается за ширмой отдельных актов субъективного. Объективное насилие имеет тотальный характер, а субъективное

стремится выйти за пределы этой тотальности, но примат объективного над субъективным все же сохраняется.

Для исследования деление насилия на имеющее субъекта и не имеющее субъекта является ключевым. Из этого деления вытекает, что гендерно обусловленное насилие имеет место быть не только на субъективном, но и на объективном уровнях. То есть за отдельными насильственными действиями стоит объективная насильственная структура социальных отношений. Иными словами, гендерное насилие не сводится к актам прямой физической агрессии конкретных лиц, но такие акты являются эскалацией кристаллизованных социальных противоречий.

Данные противоречия представляют собой систему социального неравенства, прежде всего гендерного, но не сводимого к нему. В этом смысле гендерное неравенство является тем самым объективным насилием, процессуально и структурно определяющим отдельные акты субъективного насилия – гендерно обусловленного насилия. Понятие «гендерно обусловленное насилие» подразумевает, что существует вид насилия, фактором или условием совершения которого является гендерная принадлежность индивида. В.А. Ядов отмечал, что такие (на первый взгляд, исключительно биологические) характеристики, как пол или возраст, являются важными и в социокультурном измерении. Быть мужчиной или женщиной означает быть включенным в общественную систему, а значит, выполнять определенные предписанные функции [5]. Целенаправленно сужая явление «домашнего насилия» до «насилия в семье», мы рассматриваем семью как институт, прежде всего, в том смысле, что семья производит и воспроизводит набор ролей, норм, ценностей, функций, которые люди, включенные в эту систему, вынуждены принимать и воспроизводить. Поскольку явление семейного насилия также воспроизводится, можно предположить, что некоторые формируемые структуры способствуют этому воспроизводству. Функциональные модели в семье имеют гендерно-ролевой окрас, поэтому и в воспроизводстве семейного насилия важной является его гендерная обусловленность. В работе мы оставляем за пределами нашего внимания семейное насилие, в котором одна сторона представлена родителем, другая – ребенком, и сосредотачиваемся на супружеском насилиии, поскольку гендерно обусловленное родительское насилие или насилие в отношении родителей – это совершенно отдельная тема для исследования. На уровне субъективного воплощения предметным является взаимодействие между брачными партнерами или людьми, состоящими (или состоявшими,

так как насилие, совершенное бывшими партнерами, весьма распространенное явление) в подобных отношениях.

При этом подразумевается, что само распределение ролей и функций в институте семьи, которое может приводить к эскалации гендерно обусловленного насилия, воплощает гендерное неравенство. То есть институт семьи не порождает супружеское насилие, но неравенство, запечатленное в нем, провоцирует его. Само гендерно обусловленное насилие в институте семьи можно **определить** как причиняемый члену семьи против его воли вред, отсылающий к устойчивым институциональным функциональным ролям и нормам поведения, фактором или условием которого является гендерная принадлежность взаимодействующих лиц.

Такое определение позволяет избежать системных сдвигов, характерных для множества частных дефиниций гендерно обусловленного насилия: например, Европейская экономическая комиссия ООН приводит определение гендерного насилия, из которого исходит, что это «любой акт гендерного насилия, который приводит к страданию женщины⁵» [6]. Даже если закрыть глаза на банальную логическую ошибку определения понятия через само понятие, куда более важным элементом является откровенная виктимизация женщин как таковых, с одной стороны, и стигматизация мужчин как «насилльников» – с другой. Безусловно, официальная статистика и «здоровый смысл» всячески подтверждают этот тезис: данные исследований Фонда ООН в области народонаселения (UNFPA) говорят о том, что ежегодно от домашнего насилия в Украине страдают 1,1 миллиона женщин в возрасте от 15 до 49 лет [7]. Но также бесспорным является и тот факт, что подобная статистика о насилии над мужчинами подсчитывается на порядки реже и менее тщательно (особенно в украинских реалиях). С.В. Тимко и П.А. Тимко, говоря о явной недооцененности этого аспекта проблемы, отмечают, что очень малая доля мужчин [8] (5,3%, по подсчетам Австралийского бюро статистики; смеем предположить, что в Украине этот показатель ещё ниже), ставших жертвами домашнего насилия, обращается в полицию [9]. Налицо типичная ошибка выжившего – отдельные группы жертв гендерно обусловленного насилия систематически не попадают на официальную статистику (почему – обсудим ниже). В случае с женщинами этот эффект также имеет место: лишь 15,9% женщин обращаются в правоохранительные органы, и только 1% за медицинской

помощью или социальным работникам [7] – также малая часть, но все же заметно больше, чем среди мужчин. По данным социологического опроса «Проблема насилия в украинских сім'ях», мужчины наиболее часто становятся жертвами психологического насилия (76%), далее идет физическое (48%), затем экономическое и сексуальное насилие. Кроме того, до 18 лет мужчины подвергаются насилию чаще, чем женщины, – 34% и 27% соответственно [10]. Даже на законодательном уровне женщина более защищена в вопросах, касающихся семьи. В правоохранительных органах с большей вероятностью примут заявление от женщины, чем от мужчины, а при разводе приоритет дальнейшего воспитания совместных детей остается за женщиной.

Априорная виктимизация женщин и демонизация мужчин – это идеологический конструкт, которому не предполагается места в научном дискурсе. В рассматриваемом случае ситуация особенно щекотлива. Тематическая плоскость, в которой лежит предмет исследования, – плоскость гендерных неравенств – наиболее масштабно исследована в рамках критической социологии, для которой характерно признание изначальной включённости социолога в идеологические процессы и отношения. Эта включённость обуславливает ангажированность исследовательской позиции социолога, независимо от того осознаёт он свою ангажированность или нет [11]. Может показаться, что такой подход – достаточное основание для того, чтобы оправдать идеологическую небеспристрастность выводов. Однако, во-первых, постулат критической социологии о невозможности ценностной нейтральности социологического исследования – это инструмент социологической рефлексии, позволяющий социологу делать поправку на свою ангажированность и предназначенный для преодоления маскирующего самообмана, то есть для целей, обратных самооправданию. Во-вторых, этот постулат касается осмысления существующих, проведённых исследований и отнюдь не подразумевает целенаправленного ангажирования всей проектной логики исследования. Мы не исключаем, что упомянутые идеологизированные элементы (виктимизация, демонизация etc.) при определённых условиях могут быть результатом исследования, но уж никак не его отправной точкой.

Итак, на преодоление вышеупомянутого тезиса в политико-идеологическом дискурсе претендовать мы не можем (по крайней мере, в рамках научной статьи), однако в наших силах «очистить» от него научно-методологический аппарат. Для этого представим схему гендерно обусловленного насилия без виктимизации/демонизации, а сквозь призму опи-

⁵ Получается, что в семьях геев, небинарных пар и других вариантах семей без женщин гендерного насилия нет по определению. Любопытный тезис.

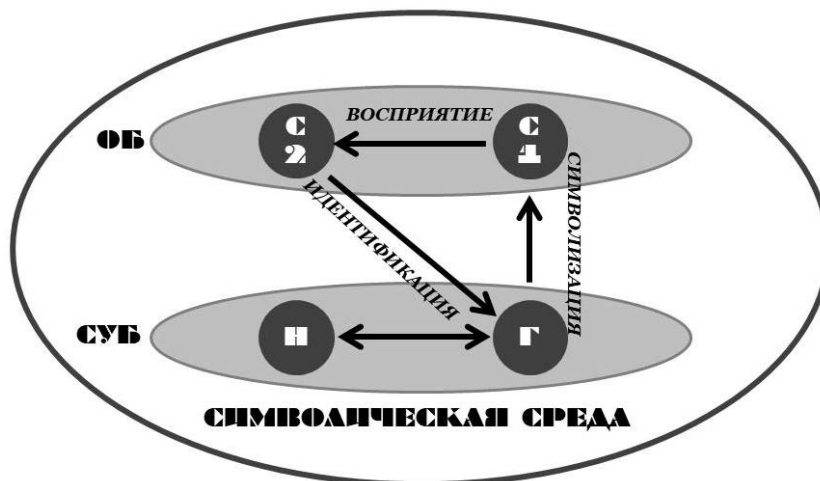

Рис. 1. Гендерная обусловленность насилия

санного выше деления насилия на объективное и субъективное:

Гендер (Г) имеет двойственную природу, то есть, формируясь на субъективном уровне, является при этом символом. Переходя на объективный уровень, гендер как символ приобретает смысл (С1). Воспринимаясь далее объективной реальностью, гендер приобретает новый смысл (С2). Новый смысл, дополняя старый, формирует определенный социальный образ гендера, на основе которого происходит акт насилия. Повторяемость актов насилия укрепляет структуру его воспроизводства.

Поскольку субъективное насилие вытекает из объективного, мы имеем дело с отношением причины и следствия. Анализ семейного насилия следует начинать с причины, то есть с объективного уровня насилия. Мы выделили следующие формы проявления объективного уровня гендерного насилия в семье: *культурное воспроизводство, символическая идентификация и объективация.*

1. О **культурном воспроизводстве** гендерного неравенства говорил еще Георг Зиммель в одном из своих эссе [12], подмечая мужской характер общественной культуры и размышляя над тем, способна ли женщина (женщины) к созданию новой объективной реальности или изменение и приспособление к уже существующей (мужской) является пределом женской дееспособности. Культуру ученый рассматривает как объективизацию индивидуальных достижений человека в течение истории, которые приобретают определенный смысл и значимость. Как отмечает ученый, именно мужская «субъективная культура» воплощалась и закладывала основы «объективной культуры», которая ныне является действительной, чем и обусловлен мужской характер последней.

Говоря словами Л. Альтюссера, чтобы определенная структура (в т. ч. структура гендерного неравенства) продолжала существование, она должна постоянно воспроизводиться [13], а гендерно обусловленное насилие как раз выступает способом ее воспроизводства. Индивиды должны постоянно интериоризировать действительные структуры, культурные нормы и практики, при этом постоянно их воспроизводя. Сама эта структура асимметрична, она имеет вид гегемонии, которая устанавливает доминирование мужчин над женщинами. Установленная таким образом «мужская культура» не может производить структуры, в которых отношения доминирования переворачиваются.

Особую роль в культурном воспроизводстве гендерно обусловленного насилия играет его скрытый характер, обусловленный в том числе умолчанием со стороны реальных или потенциальных жертв. Около 41% процентов жителей Украины считают, что насилие, совершенное в семье, не должно выходить за ее пределы и конфликт стоит решать без привлечения третьих сторон. Кроме того, существует проблема информированности людей о том, как действовать и куда обращаться в случае совершения в их сторону акта насилия. Всего 17% женщин ответили, что они достаточно проинформированы в этом вопросе [14].

В свою очередь, три четверти мужчин считают, что жаловаться на насильственные действия со стороны супруги стыдно. Или же акту насилия не уделяется должного внимания, он оценивается как несущественный и такой, с которым можно разобратся самостоятельно⁶. Это подтверждает вышеупомянутые предположения о формировании на

⁶ Для Украины полноценных данных о домашнем насилии над мужчинами нет, поэтому здесь также ссылаемся на опыт австралийских коллег [9].

объективном уровне гендерных ролей мужчин и женщин, предполагающих виктимизацию женщины и демонизацию мужчины самой социальной структурой. Даже на законодательном уровне женщина более защищена в вопросах, касающихся семьи: в правоохранительных органах с большей вероятностью примут заявление от женщины, чем от мужчины, а при разводе приоритет дальнейшего воспитания совместных детей остается за женщиной. То есть и культурно, и законодательно происходит воспроизводство гендерного неравенства, обуславливающего домашнее насилие.

2. Говоря о **символической идентификации**, стоит обратиться к научному наследию П. Бурдьё, который в одной из работ [15] описывает своего рода гендерную символизацию. В рамках его концепции рассматривается конструирование тела средствами социального мира в двух измерениях: как вещи, наделенной определенными физиологическими и половыми признаками, и как хранилища категорий восприятия и оценивания. С помощью этих категорий определяется характер половых признаков человека, на основе чего делается вывод о биологическом поле. То есть половые признаки выступают как знак, а биологический пол – как содержание.

Исходя из вышеописанного и экстраполируя указанные процессы на семейные отношения, можно сделать вывод, что идентификация человека по половым признакам подчиняет человека структурным нормам двойной структуры социального, что происходит одновременно в двух направлениях: во-первых, идентифицированный человек ограничивается предписанными ему структурным нормам, где женщина должна воспроизводить «слабую» модель поведения, а мужчина – «сильную», доминирующую; во-вторых, определяется характер взаимоотношений между идентифицированным и идентифицирующим. Мужчина, воспроизводя данную модель поведения, конструирует женщину, минимизируя ее конкурентоспособность во властном поле и максимизируя ее репродуктивную функциональность. Репродуктивная функция для аргументации незначительности всех остальных определяется как главная функция женщины, и именно половые признаки и тело являются инструментами этого определения.

Конструирование именно такого образа женщины подтверждают и эмпирические данные. Так, данные Фонда ООН по вопросам народонаселения в Украине показывают, что 63% мужчин убеждены, что уход за младенцами – это чисто женский долг. Причем 36% утверждают, что мужчины вообще не знают, как заботиться о новорожденных. До 69% представителей «сильного пола» убеждены,

что важнейшая роль женщины заключается в заботе о доме и приготовлении пищи [7].

Женщина, в свою очередь, реализуя эту предписанную ей модель, «отдает» и/или делегирует силу (прежде всего, различные формы капиталов вне репродуктивно-бытового поля, но также и чисто физическую силу) в пользу мужчины, которой тот распоряжается. Это и становится краеугольным камнем неравенства, лежащего в основе гендерно обусловленного насилия: сами семейные отношения предполагают (на символическом, а не институциональном уровне) монополизацию силы в мужских руках, которая искушает себя применить по отношению к тем, кто ее лишен, – женщинам. При этом данную ситуацию ни в коем случае нельзя воспринимать как статическую: наоборот, вокруг этого происходит постоянная символическая борьба, обострившаяся как раз в условиях феминистских движений. В одной из предыдущих работ [16] мы рассматривали практики мужского шовинистского юмора как способ ведения символической борьбы, когда *ladomination masculine* поставлено под сомнение, то есть своего рода ресентимент «жертв эмансипации». Гендерно обусловленное насилие же возникает не как ответная реакция на нарушение мужской гегемонии, а как его производная. Сместем предположить, что основным фактором домашнего насилия не только мужчин над женщинами, но и женщин над мужчинами является мужская гегемония: в супружеских парах, где мужчина по тем или иным причинам не в состоянии монополизировать силу в своих руках, это делает женщина, применяя ее «в отместку» за «слабость» мужа, за его неспособность обеспечить «нормальную» гегемонию. Ведь *грамшианская гегемония*, которую *витиевато* и порой путано предлагают нам в работах Лакло и Муфф, представляется «гармоничной» и той стороне, по отношению к которой должно осуществляться доминирование. Это доминирование не просто осуществляется по согласию (целенаправленно сконструированному гегемоном, но представляющемуся «естественным» для подчинённых), но востребовано объектами доминирования не меньше, чем субъектами. Показательным является и воспроизводство аналогичных насильственных практик в однополых браках, где все равно воспроизводятся гендерные роли, аналогичные по диспозициям ролям в традиционной семье. Некоторые исследования говорят о том, что в гомосексуальных парах домашнее насилие более распространено, чем в гетеросексуальных [17]. Основным фактором такого «первенства» обычно называют стресс, вызванный закрытостью и скрытностью гомосексуальных отношений,

актуальной для значительной части современных культур; так или иначе общая тенденция на лицо: гендерное неравенство обуславливает домашнее насилие даже в тех случаях, когда у супругов нет биологических половых отличий. Очевидно, что куда важнее не половая принадлежность, а гендерно-символическая идентификация партнеров.

3. Суть **объективации** лежит в «опредмечивании» человека, в отношении к нему как к вещи. Чаще всего говорят об объективации женщин, в частности о сексуальной объективации, но не стоит забывать, что мужчины также подвержены такому воздействию. В ходе объективации определенные характеристики человека гипертрофируются, в то время как все остальные попросту игнорируются. Например, при сексуальной объективации внимание концентрируется на отдельных аспектах внешности и сексуальности.

Нагляднее всего объективация осуществляется в рекламных продуктах. Если обратить внимание на содержание рекламы, то можно заметить, что в зависимости от целевой аудитории (мужской или женской) характеристики демонстрируемых персонажей меняются. В рекламе, ориентированной на мужчин, с большей вероятностью будет демонстрироваться брутальный и сексуальный образ мужчины-героя и одновременно утрированно-пассивный образ женщины. Если же целевой аудиторией являются женщины, то образы меняются в сторону сильной женщины-героини и слабого мужчины-ребенка. Очевидно, объективация свойственна не только рекламе, здесь она просто более заметна.

Помимо сексуальной объективации, мужчины и женщины объективируются и в других направлениях. Дискурсивные средства такой объективации достаточно красноречивы и, что особенно важно для нас, одинаково императивны (при содержательных различиях) по отношению и к мужчине, и к женщине. Так, женщина преподносится как «хранительница очага»; внимание концентрируется на таких характеристиках, как «хозяйственность», «сдержанность», «заботливость» и т.д. Женщина должна выполнять работу по дому, любить мужа и ухаживать за детьми. Мужчина же определяется в категориях «настоящего самца». Чтобы быть таковым, он должен «мастером на все руки», уметь постоять за себя и семью и зарабатывать деньги – «быть добытчиком». Дискурс недвусмысленно воспроизводит институционально закреплённые роли, воплощающие объективный уровень гендерно обусловленного насилия в семье.

Рассмотренные выше процессы приводят к формированию характерной ситуации на субъективном уровне насилия. Воспроизводимая мужская гегемония может выступать

как фактор того, что чаще всего в роли жертв выступают («должны выступать», если исходить из предписывающего характера гегемонистской нормативности) именно женщины, нежели мужчины. Естественно, что данные процессы отражены и на законодательном уровне. Так, в международных и украинских правовых актах выделяются следующие формы семейного насилия [18]: физическое насилие, психологическое насилие, сексуальное насилие, экономическое насилие. Наиболее распространенным в отношении женщин видом насилия (по данным ОБСЕ [14]) является психологическое насилие (65%). На втором месте по распространенности оказались сексуальные домогательства (29%); на третьем – физическое и/или сексуальное насилие (35%).

Выводы из проведенного исследования. Переходя к выводам, отметим, что институт семьи воплощает определенные гендерные роли и шаблоны восприятия, производимые (гендерным) неравенством и воспроизводящие его. Это воспроизводство обеспечивается такими объективными процессами, как культурное воспроизводство, символическая идентификация и объективация.

Воплощаясь на **субъективном** уровне, насилие продолжает быть встроенным в общую социальную систему. Виктимизируется образ женщины, тогда как возможность мужчины стать жертвой домашнего насилия заметно приуменьшается, а то и вовсе не предполагается. Таким образом, субъективное насилие, которое изначально является проявлением стремления к отличию, подчиняется **объективным** тотализирующим принципам восприятия и интерпретации. «Сильному полу» стыдно признаваться (даже перед самим собой) в совершении против него акта насилия, а само признание в подобном происшествии может быть попросту культурно и/или юридически отвергнуто. В то же время для женщины довольно просто стать жертвой семейного насилия в действительности или создать убедительный для массового сознания образ жертвы. Куда менее убедительной будет попытка продемонстрировать женщину в роли насильника. Субъективный и объективный уровни воплощения гендерно обусловленного насилия в семье пересекаются, производя и закрепляя специфическую асимметрию: будучи воплощением и результатом, прежде всего, мужской гегемонии, насилие в семье, тем не менее, направлено как на женщин, так и на мужчин. И то, что маскировка и ретуширование насилия против мужчин в семье осуществляются и в научном дискурсе, переводя его в статус не просто тенденциозного, но политико-идеологического, может стать предметом дальнейших исследований в рамках этой тематики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Литовченко А.Д. Метафоричність і декларативність соціологічного мовлення як фактор дезінтеграції українського суспільства. *Нові нерівності – нові конфлікти: шляхи подолання* : тези доповідей і виступів учасників III Конгресу Соціологічної асоціації України. Харків, 12–13 жовтня 2017 року. Харків : Видавничий центр Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, 2017. С. 239–242.
2. Жижек С. О насильи. URL: www.rulit.me/books/o-nasilii-read-249273-1.html (дата звернення: 27.05.2020).
3. Бойко Д.Н. Символическое насилие как объект социологического исследования: категоризация и операционализация. *Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. Серія «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи»*. Харків : Видавничий центр Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, 2017. № 37. С. 91–95.
4. Voiko D. Symbolic violence as the object of sociological research: inter Bourdieu and Zizek. *Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи»*. Харків : Видавничий центр Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, 2016. № 36. С. 57–61.
5. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. Москва : Добросвет, Книжный дом «Университет», 1998. 596 с.
6. Гендерное насилие. UNECE. URL: www.unecsc.org/ru/stats/video/violence_russ.html (дата звернення: 27.05.2020).
7. Сучасне розуміння маскуліності. Ставлення чоловіків до гендерних стереотипів і насильства щодо жінок. Звіт дослідження. 2018. 128 с. URL: https://ukraine.unfra.org/sites/default/files/pub-pdf/Сучасне%20розуміння%20маскуліності_Звіт%20дослідження.pdf (дата звернення: 27.05.2020).
8. Тимко С.А., Тимко В.П. Мужчина – жертва семейного насилия: актуальность проблемы в России. *Виктимология*. 2016. № 3 (9). С. 33–40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzhchina-zhertva-semejnogo-nasilija-aktualnostproblemy-v-rossii> (дата звернення: 27.05.2020).
9. Gender, Institutions and Development Database (GID-DB). Organisation for economic co-operation and development. 2019. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=GIADB2019> (дата звернення: 27.05.2020).
10. Проблема насильства в українських сім'ях. Соціологічне опитування. Київ ; Запоріжжя : Друкарський світ, 2010. 52 с. URL: www.gender.org.ua/images/lib/2010_opinion_poll_violence.pdf (дата звернення: 27.05.2020).
11. Литовченко А. Критическая социология Франкфуртской школы: между наукой и идеологией. *Соціологічні студії*. Луцьк : Східноєвроп. нац. ун-т ім. Лесі Українки. 2014. № 1 (4). С. 24–29.
12. Зиммель Г. Женская культура. *Избранное. Созерцание жизни*. Москва, 1996. Т. 2. С. 234–266.
13. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства. *Неприкосновенный запас*. 2011. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (дата звернення: 27.05.2020).
14. Добробут і безпека жінок. Дослідження насильства над жінками в Україні, проведене під керівництвом ОБСЄ. 2019. URL: <https://www.osce.org/uk/secretariat/440318?download=true> (дата звернення: 27.05.2020).
15. Bourdieu P. La domination masculine. *Actes de la Recherche en Sciences Sociales*. 1990. Vol. 84. P. 2–31. URL: https://www.persee.fr/doc/arss_0335-5322_1990_num_84_1_2947 (дата звернення: 27.05.2020).
16. Boiko D. Male Chauvinist Humour in the Toolkit of Symbolic Violence: Reification and Mythologisation of Women in Everyday Discourse. *Media i Społeczeństwo*. 2019. № 10. P. 86–99.
17. Berger R.M. Men Together: Understanding the Gay Couple. *Journal of Homosexuality*. 1990. Vol. 19. Issue 3. URL: www.tandfonline.com/doi/abs/10.1300/J082v19n03_02?journalCode=wjhm20#.UutsWfuVs08 https://www.bbc.com/russian/society/2014/11/141118_homosexual_domestic_violence (дата звернення: 27.05.2020).
18. Про запобігання та протидію домашньому насильству : Закон України від 07.12.2020 № 2229-VIII. Дата оновлення: 01.01.2020. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2229-19/stru> (дата звернення: 27.05.2020).